



## ИНСТРУКЦИИ

Строительство города Эмбера только что завершилось, но в нем пока не было ни одного жителя. Главный Строитель и его помощник, оба измотанные, присели передохнуть. Разговор шел о будущем.

— Они не должны покидать город как минимум двести лет, — сказал Главный Строитель. — Или, может быть, двести двадцать.

— Этого времени хватит? — спросил помощник.

— Должно хватить. Наверняка никто не знает.

— А когда придет время, — сказал помощник, — как они узнают, что делать?

— Мы, разумеется, оставим им инструкции, — ответил Главный Строитель.

— Но кто их сбережет? Кому доверить хранение тайны на все это время?

— Хранителем станет мэр города, — сказал Главный Строитель. — Мы поместим инструкции в сейф и установим замок с таймером, чтобы он открылся в должное время.

— А мы сообщим мэру, что в сейфе?

— Нет. Он будет знать лишь, что это информация, в которой они не нуждаются до тех пор, пока сейф сам не откроется.

— Значит, первый мэр передаст сейф следующему, а тот — следующему и так далее, год за годом, и все это время они будут хранить его в секрете?

— Что еще нам остается? — спросил Главный Строитель. — Ничего определенного в этом начинании нет. Может, к тому времени в городе уже никого не останется. Может, им вообще некуда будет возвращаться.

Так первая леди-мэр Эмбера получила сейф вместе с приказом беречь его пуще глаза и торжественно поклялась хранить тайну. Когда она состарилась и ее срок на посту мэра истек, она передала сейф своему преемнику, который, как и следующий мэр, тоже тщательно хранил секрет. Все шло по плану много лет. Но седьмой лорд-мэр Эмбера оказался не так благороден, как его предшественники. Вдобавок он был в отчаянии. Он был тяжело болен — в те дни эпидемия кашля косила жителей города — и вообразил, что в сейфе может храниться секрет, который спасет ему жизнь. Он достал металлический ларец из тайника в подвале городской ратуши и принес домой, где попытался вскрыть механизм, колотя по нему молотком.

Но силы его иссякали. Ему удалось лишь оставить несколько вмятин на крышке. Он умер, не успев вернуть сейф на место, не успев рассказать о нем преемнику. Сейф очутился на дальней полке в кладовке, заваленный старыми мешками и свертками. Там он и оставался, никем не замечаемый, а годы шли, и в назначенный час замок тихонько щелкнул.



## ГЛАВА 1

# ДЕНЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

В городе Эмбере небо всегда оставалось темным. Источниками света служили огромные прожекторы на крышах зданий и на столбах в центре самых крупных площадей. Когда свет включали, улицы заливало желтоватым сиянием; пешеходы отбрасывали длинные тени, которые то укорачивались, то вновь вырастали на ходу. Когда свет был выключен, а это происходило ежедневно с девяти вечера до шести утра, в городе становилось темно, словно всем разом завязывали глаза.

Иногда тьма накрывала город посреди дня. Город Эмбер был стар, и всё в нем, включая электропроводку, нуждалось в ремонте. Так что время от времени свет

мигал и гас. Горожане страшились этих моментов. Они останавливались на ходу посреди улицы или неподвижно замирали дома, опасаясь двигаться в полной темноте, и вспоминали то, о чем предпочитали не думать: когда-нибудь огни города могут погаснуть навсегда. Но бóльшую часть времени жизнь продолжалась как обычно. Взрослые занимались своими делами, а дети, пока им не исполнилось двенадцать, ходили в школу. В последний день последнего года обучения, в День Распределения, их назначали на работу.

Выпускники собрались в классе номер восемь городской школы. В День Распределения в 241 году от основания города в этом классе, обыкновенно шумном по утрам, стояла абсолютная тишина. Двадцать четыре выпускника сидели за своими привычными партами, из которых заметно выросли, очень прямо.

Они ждали.

Одноместные парты стояли в шесть рядов. За последней партой сидела худенькая беспокойная девочка по имени Лина Мэйфлит. Она то накручивала на палец длинную прядь темных волос, то принималась выдерживать из потрепанной накидки нитку, то наклонялась, чтобы подтянуть сползший носок (носки растянулись и были великоваты), или тихонько постукивала мягким башмаком по полу.

Во втором ряду сидел Дун Хэрроу. Он сгорбился, крепко зажмурил глаза и намертво сцепил руки. Волосы у него были взъерошены — видимо, он давно не причёсывался. Темные густые брови придавали Дуну серьезный вид, даже когда он был в настроении, а уж если он волновался или злился, они сходились на переносице,

образуя прямую линию. Коричневая вельветовая куртка его была настолько ветхой, что рубчики совсем вытерлись.

И девочка, и мальчик загадали сегодня желания. Желание Дуна было очень конкретным. Он повторял его снова и снова, слегка шевеля губами, как будто его мечта могла сбыться от тысячи повторений. Лина загадала желание не словами, а картинкой. Она представляла себя бегущей по улицам города в красной куртке. Картинка была яркая, как настоящая.

Лина оглядела класс и молча попрощалась с обстановкой, знакомой до мелочей. Прощайте, карта города Эмбера в изрезанной деревянной раме и шкаф, на полках которого хранились «Книга чисел», «Книга слов» и «Книга города Эмбера». Прощайте, ящики с надписями «Чистая бумага» и «Бумага для черновиков». Прощайте, три электрические лампочки под потолком: где бы ты ни сидел, тень от твоей головы оказывалась на странице тетради. И прощайте, мисс Торн, классная наставница. Она уже закончила выпускную речь и пожелала выпускникам удачи во взрослой жизни, которая вот-вот для них начнется. Больше сказать ей было нечего, и она стояла за учительским столом, кутаясь в потертую шаль. А лорд-мэр, почетный гость, все не появлялся.

Кто-то с шумом возил ногой по полу, взад-вперед. Мисс Торн вздохнула. Наконец дверь с грохотом распахнулась, и вошел мэр. Он выглядел раздраженным, как будто это *они все* опоздали.

— Добро пожаловать, мэр Коул, — сказала мисс Торн и протянула ему руку.

Мэр скривил губы в улыбке.

— Мисс Торн, — сказал он, пожимая ей руку. — Приветствую вас. Вот и год прошел.

Мэр был крупный, грузный человек, настолько толстый, что по сравнению с животом руки его казались маленькими и беспомощно болтались где-то сбоку. В одной из них он держал тряпичный мешочек.

Мэр проковылял к доске и повернулся лицом к школьникам. Казалось, лицо его, серое, обрюзгшее, обтянуто не кожей, а чем-то более жестким; оно почти не двигалось, если не считать улыбки, которую он натянул с таким трудом.

— Юноши и девушки, выпускники! — начал мэр. Он замолчал и несколько мгновений осматривал комнату; глаза его прятались где-то в глубине черепа. Он медленно кивнул. — День Распределения. Да. Сначала мы получаем образование. Затем мы служим нашему городу. — Его взгляд снова заскользил по рядам, и он еще раз кивнул, как будто кто-то подтвердил его слова. Мэр положил мешочек на стол мисс Торн и прикрыл его рукой. — В чем будет состоять ваша служба, спрашиваете вы себя.

Он опять улыбнулся, и его тяжелые щеки разошлись, подобно складкам занавеса. У Лины похолодели руки. Она поплотнее завернулась в накидку и зажала ладони между колен. «Пожалуйста, поторопитесь, мистер мэр, — мысленно попросила она. — Пожалуйста, дайте нам поскорее вытянуть жребий, и покончим с этим».

Дун в уме повторял то же самое, только без «пожалуйста».

— Следует помнить, — продолжал мэр, подняв палец. — Работа, которая выпадет вам сегодня, рассчитана на три года. Затем вы подлежите оценке. Вы хорошо

работаете? Прекрасно, можете продолжать. Вы не справляетесь? Может быть, работники нужны в другом месте? Вы будете переназначены. *Чрезвычайно важно*, — изрек он, тыкая пальцем в класс, — чтобы... вся работа... в Эмбере... выполнялась. *Выполнялась как следует.*

Он взял в руки мешок и распустил завязки.

— Итак, приступим. Процедура простая. Подходите по одному. Опускайте руку в мешок. Тяните жребий. Прочитайте вслух, что написано на листке. — Он улыбнулся и кивнул. Жир под подбородком заходил ходуном. — Кто первый?

Никто не шевельнулся. Лина уставилась на парту. Наступило томительное молчание. Лиззи Биско, одна из лучших подруг Лины, вскочила со своего места.

— Можно мне? — спросила она неестественно высоким срывающимся голосом.

— Прекрасно. Прошу сюда.

Лиззи подошла к мэру. Копна рыжих волос выглядела рядом с ним как язык пламени.

— Тяните.

Мэр одной рукой протянул мешочек, а другую спрятал за спину, как бы показывая, что не будет вмешиваться.

Лиззи опустила руку и вытащила плотно сложенный кусочек бумаги. Она осторожно развернула его. Лина не видела выражения ее лица, но в голосе подруги послышалось разочарование:

— Конторщик на Складе.

— Очень хорошо, — отозвался мэр. — Жизненно необходимая работа.

Лиззи поплелась к своей парте. Лина улыбнулась ей, но Лиззи лишь поморщилась в ответ. Работать в конторе



при Складе было неплохо, но очень скучно. Клерки Склада снабжения сидели за длинной стойкой, принимали заказы от кладовщиков и отправляли грузчиков вниз, чтобы доставить необходимое из лабиринта складских помещений под улицами Эмбера. В кладовых хранились всевозможные припасы: консервы, одежда, мебель, одеяла, электрические лампочки, лекарства, кастрюли и сковороды, пачки бумаги и мыла, и снова лампочки — все, что могло понадобиться жителям Эмбера. Конторщики целыми днями корпели над grossбухами, внося заказы и отмечая выданные товары. «Лиззи не любит сидеть на месте; ей бы больше подошла другая работа, — подумала Лина, — может быть, посыльным». Эту работу мечтала получить сама Лина. Посыльные весь день носились по городу, везде бывали, всё видели.

— Следующий, — пригласил мэр.

На этот раз поднялись сразу двое, Орли Гордон и Чет Ноам. Орли быстро села на место, а Чет подошел к доске.

— Выбирайте, молодой человек, — сказал мэр.

Чет выбрал. Он развернул сложенный листок.

— Помощник электрика, — прочитал он, и его широкая физиономия расплылась в улыбке.

Лина услышала короткий вздох и заметила, как Дун зажал рот рукой.

Какие рабочие места появятся в очередной День Распределения, никто никогда толком не знал. Иногда разыгрывались сразу несколько хороших вакансий, например «работник в теплице», «помощник Хранителя Времени» или «посыльный», и совсем не было плохих. Порой к ним прибавлялись «чернорабочий в Туннелях», «просеиватель мусора» и «отскребатель плесени». Ученики электрика

требовались всегда, хотя бы один-два. Ремонт электросетей был самой важной работой в Эмбере, а ремесло электриков — самым распространенным.

Следующей вышла Орли Гордон, сильная девушка, не боявшаяся физического труда. Она получила место в службе ремонта зданий — подходящая для нее работа. Винди Ченс стала помощницей в теплице. Возвращаясь на свое место, она радостно улыбалась. «Она будет работать с Клэри, — подумала Лина. — Вот повезло. Пока никому не досталось ничего ужасного. Возможно, в этот раз плохих вакансий вообще не будет».

Эта мысль придала ей бодрости. И потом, от ожидания и страха у нее уже разболелся живот, поэтому, когда Винди села, — не успел лорд-мэр сказать: «Следующий» — Лина встала и вышла к доске.

Мешок был сшит из зеленой ткани, сильно вылинявшей, и сверху стянут черным шнурком. Лина лишь мгновение поколебалась, затем опустила руку внутрь и нащупала несколько комочков бумаги. Она выбрала один, словно шагнула в пустоту с крыши самого высокого здания. Черной тушью, мелкими ровными буквами, на бумаге было выведено: «Чернорабочий в Туннелях». Лина не верила своим глазам.

— Вслух, прошу вас, — сказал мэр.

— Чернорабочий в Туннелях, — сдавленным шепотом отозвалась Лина.

— Громче! — потребовал мэр.

— Чернорабочий в Туннелях, — повторила Лина громким надтреснутым голосом.

Класс сочувственно вздохнул. Не поднимая глаз, Лина вернулась за свою парту.

В глубоком лабиринте Туннелей были проложены водопроводные и канализационные трубы Эмбера. Рабочие целыми днями устраняли протечки и заменяли муфты. Там всегда было холодно, мокро, а порой и опасно. В Туннелях текли воды быстрой подземной реки, и время от времени кто-нибудь сваливался в нее и погибал. Люди могли просто потеряться в Туннелях, если забредали чересчур далеко.

Лина с отчаянием уставилась на букву В, которую кто-то давным-давно вырезал на ее парте. Ничего не могло быть хуже чернорабочего в Туннелях. Будь у нее выбор, она бы стала посыльным, а если нет мест, работала бы в оранжереях. Она с тоской представляла теплый воздух, и землистый аромат, и работу бок о бок со старшей по теплицам, Клэри, которую знала с раннего детства. Неплохо было бы стать ученицей лекаря, смазывать порезы и накладывать повязки на переломы. Дворником или разносчиком с тележкой и то лучше: она по крайней мере работала бы на поверхности земли, а вокруг были бы люди и много воздуха. Но спуститься в Туннели означало похоронить себя заживо.

Остальные выпускники выбирали себе работу один за другим. Никому больше не достался такой жалкий жребий. Наконец последний ученик поднялся со стула и вышел вперед.

Дун сосредоточенно хмурился и на ходу судорожно сжимал кулаки. Он опустил руку в мешок и достал последний клочок бумаги. Наступила пауза; Дун крепко сжимал жребий в ладони.

— Ну же, — сказал мэр. — Читайте.

Развернув листок, Дун произнес: «Курьер». Он нахмурился еще больше, смял записку и швырнул ее на пол. Лина ахнула; весь класс удивленно зашумел. Чего сердиться, если тебе выпало быть посыльным?

— Безобразное поведение! — воскликнул мэр. Глаза его выпучились, а лицо потемнело. — Немедленно вернись на свое место.

Дун поддал смятый жребий ногой, так что он отлетел в угол, вернулся на свое место и плюхнулся за парту.

Мэр прерывисто дышал и моргал не переставая. Он был в ярости.

— Позор, — изрек он, уставясь на Дуна. — Детские капризы! Молодежь должна быть счастлива трудиться на благо родного города. Эмбер и впредь будет процветать, если... все граждане... будут... прилагать... все свои силы.

Сообщая эту истину, он угрожающе поднял указательный палец и переводил взгляд с одного лица на другое.

Внезапно Дун подал голос.

— Но разве Эмбер процветает?! — воскликнул он. — Дела идут все хуже и хуже!

— Молчать! — заорал мэр.

— Отключения электричества! — не унимался Дун. Он вскочил со своего места. — Свет теперь то и дело гаснет! А дефицит? Не хватает абсолютно всего! Если с этим ничего не делать, произойдет катастрофа!

Лина слушала с колотящимся сердцем. Что на него нашло? Почему он так расстроился? Он, как всегда, воспринимал все слишком серьезно.

Мисс Торн подошла к Дуну и положила руку ему на плечо.

— А теперь сядь, — тихо проговорила она.

Но Дун остался стоять. Мэр впился в него взглядом. Последовало короткое молчание. Затем мистер Коул улыбнулся, обнажив аккуратный ряд серых зубов.

— И кто же этот юноша, мисс Торн?

— Я — Дун Хэрроу.

— Я вас запомню, — пообещал мэр.

Он еще раз пристально посмотрел на Дуна, затем повернулся к классу и снова улыбнулся своей кривой улыбкой.

— Поздравляю вас! Добро пожаловать в ряды труженников Эмбера. Мисс Торн, дети, спасибо и всего доброго!

Мэр пожал руку мисс Торн и удалился. Школьники похватили свои куртки и шапки и цепочкой покинули класс. Лина шла по коридору рядом с Лиззи.

— Бедняжка! — промолвила Лиззи. — Я-то думала, как мне не повезло, но по сравнению с тобой... Что может быть хуже Туннелей?

Они вышли за дверь, и тут Лиззи быстро попрощалась и поспешила прочь, словно неудача Лины могла быть заразной.

Лина на мгновение задержалась на ступенях школы, глядя на Харкен-сквер. Горожане сновали туда-сюда, уютно закутавшись в пальто и шарфы, или беседовали друг с другом в островках яркого света под уличными фонарями. Мальчик в красной куртке посыльного бежал в сторону Ратуши. Вдоль Оттервилл-стрит мужчина катил тачку, нагруженную мешками с картошкой. И во всех домах вокруг площади сияли ряды окон, от ярко-желтых до темно-золотых.

Лина вздохнула. Здесь она хотела быть, здесь, где происходило все на свете, а не под землей. Кто-то похлопал

ее по плечу. От неожиданности Лина вздрогнула и, обернувшись, увидела Дуна. Он был очень бледен.

— Давай меняться! — сказал он.

— Меняться?

— Давай поменяемся распределениями. Я не хочу заниматься ерундой. Я хочу спасти город, а не разносить пустые сплетни.

Лина уставилась на него, разинув рот.

— Ты хочешь работать в Туннелях?

— Я вообще-то хотел стать учеником электрика, — сказал Дун. — Но Чет, конечно, не хочет меняться. Туннели у меня на втором месте.

— Но почему?

— Потому что в Туннелях находится генератор, — сказал Дун.

Лина, разумеется, знала о генераторе. Каким-то таинственным образом он превращал течение реки в электричество для города. На Пламмер-сквер под ногами ощущалась его вибрация и слышался низкий гул.

— Я хочу взглянуть на генератор, — сказал Дун. — У меня... У меня есть кое-какие идеи. — Он засунул руки в карманы. — Так что́, — спросил он, — меняемся?

— Да! — воскликнула Лина. — Я больше всего в жизни хотела стать курьером!

И эта работа вовсе не была бесполезной. Нельзя же ожидать, что люди потащатся через полгорода всякий раз, когда им необходимо с кем-то пообщаться. Посыльные связывали всех со всеми. Как бы то ни было, важно это или нет, но работа посыльного была словно создана для Лины, потому что она любила бегать. Она могла бегать целыми днями. И ей нравилось исследовать каждый

укромный уголок города, что было прямой обязанностью курьеров.

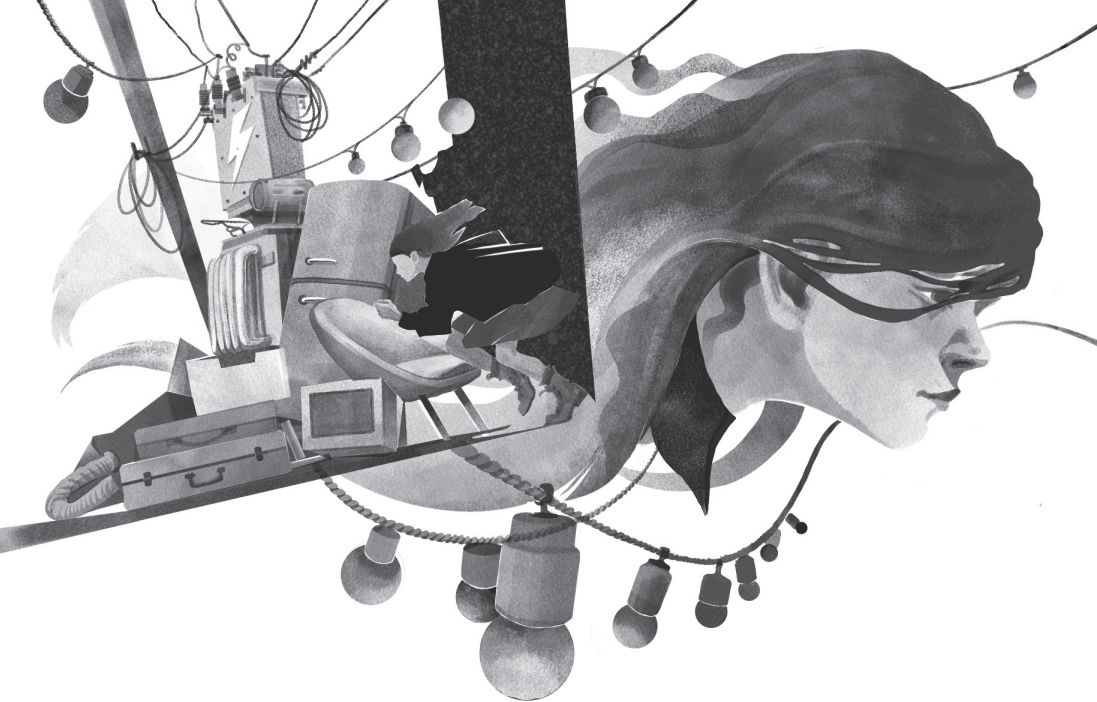
— Ну и хорошо, — сказал Дун.

Он протянул ей свой смятый жребий, который, должно быть, поднял с пола. Лина полезла в карман, вытащила листок бумаги и протянула ему.

— Спасибо, — сказал Дун.

— Не за что!

Ее охватил восторг, а от восторга ей всегда хотелось бежать. Она перепрыгнула разом через три ступеньки и помчалась по Брод-стрит к дому.



## ГЛАВА 2

# СООБЩЕНИЕ ДЛЯ МЭРА

Лина часто ходила из дома в школу и обратно разной дорогой. Иногда, просто для разнообразия, длинным путем: через Спарксуоллоу-сквер или мимо обувных мастерских на Ливери-стрит. Но сегодня она выбрала самый короткий путь: ей не терпелось поделиться новостями.

Она бежала по улицам Эмбера легко и быстро. Каждый уголок, каждый переулок, каждое здание были ей хорошо знакомы. Она всегда понимала, где находится, хотя улицы выглядели почти одинаково. Вдоль них выстроились двухэтажные каменные дома; крашенные окна и двери давно облупились. На первых этажах располагались лавки и мастерские, выше помещались квартирки. В том месте, где стена переходила в крышу, на каждом доме



висел ряд прожекторов — больших конусовидных ламп, дававших яркий желтый свет.

Каменные стены, освещенные окна, неясные фигуры людей — Лина летела мимо. Ей казалось, что ноги у нее невероятно сильные, так и пружинят, словно готовый распрямиться лук. На бегу она ловко обходила препятствия: обломки мебели на полпути на свалку или в берлоги любителей собирать всякий хлам, печи и холодильники, которые уже нельзя вернуть к жизни, торговцев, разложивших на тротуаре свои товары. Трещины и выбоины она перепрыгивала.

На Хафтер-стрит ей пришлось немного сбавить скорость. Эта улица пряталась в глубокой тени. Четыре фонаря на ней погасли, но никто их не ремонтировал. Ходили слухи, что какие-то виды лампочек на Складе закончились. Совсем. Лина привыкла к дефициту — все привыкли, что чего-нибудь да не хватает — но не лампочек! Если не станет ламп для уличных фонарей, свет останется только в домах. Что тогда будет? Как людям ходить по улицам в темноте?

В глубине души у нее шевельнулся черный червь страха. Она вспомнила, как Дун вспылал в классе. Неужели все действительно так плохо, как он сказал? Верить в это не хотелось, и Лина отбросила неприятную мысль прочь.

Свернув на Бадлоу-стрит, она вновь пустилась бегом. Промчалась мимо покупателей, стоявших в очереди, чтобы попасть на овощной рынок, с авоськами на сгибах локтей. На углу Оливер-стрит увернулась от прачек с тюками белья и от пары грузчиков, выносивших сломанный стол. Миновала дворника — тот гонял метлой уличную грязь. «Как мне повезло, — подумала она, — получить

работу мечты. И все благодаря Дуну Хэрроу, кто бы мог подумать!»

Когда-то, когда они были помладше, Лина и Дун дружили. Вместе они исследовали узкие переулки и тускло освещенные окраины города. Но в четвертом классе их дружба сошла на нет. Все началось на большой перемене: вместе с одноклассниками они играли на крыльце школы.

— Я могу перепрыгнуть через три ступени сразу, — заявлял кто-нибудь.

— А я могу спуститься по ступеням на одной ножке! — в ответ кричал другой.

Остальные подхватывали:

— Я могу сделать стойку на руках у колонны!

— Я могу перепрыгнуть через мусорный бак!

Стоило одному что-нибудь выкинуть, остальным требовалось немедленно это повторить, просто в доказательство своей силы и ловкости.

Лине все удавалось, даже весьма опасные затеи. Но ее выдумка оказалась самой дикой.

— Я могу залезть на фонарный столб!

Все молча на нее уставились, а она уже перебежала мостовую, сняла башмаки, носки и обвила руками холодный металлический шест. Упираясь босыми пятками, Лина смогла влезть на столб, но совсем невысоко. Руки ее разжались, и она упала на тротуар. Одноклассники засмеялись, и она вместе с ними.

— Я не говорила, что поднимусь на самый верх, — оправдывалась она. — Я только сказала, что залезу на столб.

Остальные бросились к столбу, чтобы попытать свои силы. Лиззи не хотела снимать носки — у нее, мол, и так

ноги мерзнут, — поэтому все время сползала вниз. Форди Пенну хватило сил залезть лишь на пару футов. Наступила очередь Дуна. Он аккуратно поставил башмаки под самым столбом, спрятал в них носки и заявил в своей обычной серьезной манере:

— Я залезу на самый верх.

Он обхватил столб и начал подъем, отталкиваясь ногами, а колени его при этом торчали в стороны. Он подтянулся вверх, снова оттолкнулся — теперь он был выше, чем Лина, — но внезапно руки соскользнули, и он рухнул, приземлившись со всего размаху, нелепо задрав ноги. Лина рассмеялась. Конечно, этого делать не следовало: Дун ведь мог что-нибудь сломать или просто сильно ушибиться. Но он упал так забавно, что она не удержалась.

Дун не пострадал. Он мог бы вскочить, усмехнуться и уйти. Но легкость характера — это было не про Дуна. Услышав смех Лины и всех остальных, он нахмурился. Его захлестнуло кипящей волной гнева.

— Нечего смеяться надо мной, — бросил он Лине. — Я забрался выше тебя! И вообще, это была глупая идея, глупая, дурацкая идея — залезть на этот столб...

Услышав его разъяренные крики, на крыльцо вышла учительница миссис Польстер. Она за шиворот отвела его в кабинет директора школы, где Дун получил выговор, совершенно, по его мнению, незаслуженный.

С тех пор Лина и Дун старались не замечать друг друга в коридорах школы. Сначала потому, что все еще сердились из-за происшествия: Дун не любил быть посмешищем, Лина не любила, когда на нее кричали. Через некоторое время эпизод с фонарным столбом забылся, но они уже отвыкли от дружбы. Когда им исполнилось

двенадцать, они были всего лишь одноклассниками. Лина дружила с Винди Ченс, Орли Гордон и, главное, с рыжеволосой Лиззи Биско, которая бегала почти так же быстро, как Лина, а болтать могла в три раза быстрее.

Сейчас, спеша домой, Лина испытывала к Дуну огромную благодарность и надеялась, что в Туннелях с ним не случится ничего плохого. Может, они снова подружатся. Любопытно было бы послушать, как там что, в этих подземных лабиринтах.

На Грейстоун-стрит она встретила Клэри Лейн — та, верно, шла в теплицы.

— Какая работа? — окликнула ее Клэри, издали помахав рукой, и Лина ответила:

— Посыльный! — и побежала дальше.

Лина жила на Квиллиум-сквер, над лавкой, торгующей пряжей, где хозяйничала ее бабушка. Распахнув дверь в лавку, Лина крикнула:

— Бабушка! Я буду курьером!

Когда-то в магазинчике царили чистота и порядок; у каждого клубка, у каждой катушки было свое законное место на полках вдоль стен. Вся пряжа и все нитки добывались из старой одежды, слишком поношенной, чтобы ее залатывать. Бабушка распускала свитера и распарывала платья, куртки и брюки; она сматывала пряжу в клубки, а нитки навивала на катушки, и люди покупали их, чтобы сшить новую одежду.

Теперь все изменилось: пряжа свисала с полок разноцветными гирляндами, коричневые, серые и фиолетовые нитки перепутались с песочными, оливково-зелеными и темно-синими. Покупателям часто приходилось тратить по полчаса, чтобы отделить ржаво-красную пряжу

от грязно-коричневой или найти конец нити в спутанном комке шерсти. Бабушка не особо помогала. Чаще всего она просто дремала за прилавком в кресле-качалке.

Тут Лина ее и застала, ворвавшись в лавку с новостями. Этим утром бабушка забыла причесаться: волосы седой гривой торчали во все стороны.

Бабушка поднялась с кресла недоумевая.

— Какой же ты курьер, милая, ты еще ходишь в школу, — удивилась она.

— Бабушка, сегодня же был День Распределения. Я получила место. Я курьер!

В глазах бабушки вспыхнул свет, и она хлопнула рукой по прилавку.

— Ну конечно! — воскликнула она. — Посыльный, отличная работа! У тебя это хорошо получится.

Младшая сестренка Лины, шагая не очень уверенно, выбралась из-за прилавка. На круглой рожице сияли карие глазенки. Прядь каштановых волос на макушке была перевязана обрывком красной пряжи. Она обхватила Лину за колени, повторяя:

— И-на, И-на!

Лина наклонилась и взяла девочку за руки.

— Поппи! Твоя старшая сестра получила хорошую работу! Ты рада, Поппи? Ты гордишься мной?

Поппи произнесла что-то вроде:

— Хоппи-хоппи-хоппи!

Лина засмеялась, подхватила ее на руки и закружилась по лавке.

Лина любила младшую сестру до боли в сердце. Сестренка и бабушка — вот и вся ее семья. Два года назад, когда город в который раз был охвачен эпидемией смер-

тоносного кашля, умер папа. Несколько месяцев спустя в родах умерла мама, но на свет появилась Поппи. Лина тосковала по родителям так же остро, как любила Поппи, только любовь переполняла ее душу, а от тоски в ней появлялась страшная пустота.

— Когда ты приступаешь? — спросила бабушка.

— Завтра. Я должна явиться в контору посыльных в восемь часов.

— Ты станешь знатным курьером, — сказала бабушка. — Знатным и знаменитым.

Вместе с Поппи Лина вышла из лавки и поднялась по лестнице домой. Квартира была маленькая, всего четыре комнаты, но вещей в ней хватило бы на все двадцать. Вещей, которые принадлежали родителям Лины, ее бабушкам и дедушкам, и даже их бабушкам и дедушкам, — старых, сломанных, потрескавшихся, изношенных вещей, которые латали и ремонтировали десятки, а то и сотни раз. В Эмбере почти никогда ничего не выбрасывали. Все старались обходиться тем, что у них было.

Пол квартиры покрывали несколько слоев изношенных ковров и паласов. Ходить было мягко, но стоило смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. У стены приткнулась просиженная кушетка на круглых деревянных ножках, заваленная подушками и одеялами; приходилось, прежде чем сесть, сбрасывать часть на пол. У стены напротив стояли два шатких стола, и чего только на них не скопилось! Груды тарелок, чашек и мисок, батареи бутылок, разномастные вилки и ножи, а еще растрепанные пачки макулатуры, мотки бечевки и несколько огрызков карандашей. Свет давали два высоких торшера и две настольные лампы. Под потолком тянулись неровные